

«Правильная осанка при ходьбе?»

Что за дурацкое сравнение. А он-то, дурак, ещё сидел и послушно внимал этим дешёвым банальностям.

Под мухой точно нельзя толковать о чувствах. Пьяным нужно не ласы точить, а валить собеседника на лопатки и брать своё. Фан Юй раздражённо провёл языком по зубам. Внутри всё клокотало от досады.

Пользуясь тем, что он хмельной, этот паршивец опять обвёл его вокруг пальца.

Фан Юй отвёл взгляд от Фу Цзяньси и огляделся. Он изо всех сил пытался подавить подкатившую к горлу горечь — едкую, обжигающую пищевод и лёгкие. Тишину погреба нарушало лишь его собственное тяжёлое дыхание, пахнущее алкоголем.

— Фу Цзяньси, — тихо позвал он, не поворачивая головы и оставаясь к нему в профиль. — В «правду или действие» когда-нибудь играл?

— М-м? — Фу Цзяньси отвёл взгляд от светящихся цифр на винном шкафу и посмотрел на Фан Юя. Лицо того тонуло в полумраке, и разобрать его эмоции было невозможно.

— Сейчас я хочу сыграть сам с собой. И в «правду», и в «действие» сразу. Составишь компанию? — Его негромкий голос растаял в прохладном воздухе погреба, прозвучав как-то нереально.

Фу Цзяньси на секунду растерялся. Слова Фан Юя звучали путано, но если вдуматься, их смысл угадывался без труда.

Он усмехнулся.

— Не-а, не хочу.

Фан Юй, казалось, ничуть не удивился отказу и не расстроился. Он лишь повернулся, нахмурился и спросил:

— Слушай, мне всегда было любопытно... Ты у нас такой крутой, тебе никогда не бывает... одиноко, тоскливо и холодно?

Глядя на его серьёзное лицо, Фу Цзяньси честно дослушал тираду до конца и только потом понял, что этот тип просто спорил глупую шутку. Хотя в погребе, где температура едва превышала десяток градусов, действительно было чертовски свежо.

— Разве тоска и одиночество — это не удел стареющих мужчин? — Фу Цзяньси приподнял бровь. — А вот насчёт «холодно» спорить не буду, сейчас я это чувствую особенно остро.

Он кивнул на экран климатического контроля у барной стойки: четырнадцать градусов тепла и семьдесят процентов влажности.

Все, кто спускался сюда, кроме него самого, грелись крепким спиртным. Обычно Фу Цзяньси заходил в погреб от силы минут на двадцать — проверить приборы, отрегулировать свет да обновить закуски. Но сейчас они торчали здесь уже около часа. Стоять без движения в такой прохладе — немудрено замёрзнуть.

Фан Юй глухо вздохнул, потянулся к бутылке и плеснул себе ещё полбокала. Он мерно покачивал бокал широкой ладонью из стороны в сторону, заставляя кубики льда с тихим стуком биться о хрустальные стенки. Он невидящим взглядом уставился на тонкий луч света, падающий на противоположную стену.

— Я родился на северо-западе, в крошечном городке, — начал он негромко. — До шести лет у меня был дом. Ребёнком я ни о чём не задумывался, мне казалось, у всех детей мир устроен точно так же и это навсегда... А потом случилось землетрясение. Город стёрло с лица земли, подчистую. Когда я пришёл в себя, у меня осталась только урна с прахом. Меня засунули в грузовик с кучей других напуганных сирот и привезли сюда, в самый большой приют.

Фу Цзяньси молча слушал, как тот бесстрастно, словно о ком-то чужом, рассказывает о своём прошлом. В груди вдруг болезненно екнуло, дыхание на миг перехватило от глухой, щемящей жалости.

Воспользовавшись паузой, он тихо спросил:

— А родственники? Неужели никого не осталось?

— Выжил только один дядя. Позже я узнал, что оба его сына погибли под завалами, а сам он остался калекой — лишился ноги... — Фан Юй припомнил то, что разузнал несколько лет назад. Раньше он и сам задавался вопросом, почему его никто не забрал. Оказалось, реальность была куда более жестокой, чем он смел надеяться.

Фу Цзяньси снова смолк, не зная, что на это ответить.

— В приюте я прожил год. Ни с кем не разговаривал, ушёл в себя. Потом сошёлся с Мэй Цзюнем. В день, когда дядя Фан приехал меня усыновлять, мы с Мэй Цзюнем как раз увлечённо втапывали в грязь человек восемь местных пацанов. — Фан Юй блёкло усмехнулся.

— Оно и видно, — Фу Цзяньси слегка запрокинул голову, глядя на лампу под потолком, и тоже слабо улыбнулся.

Мэй Цзюнь не зря вырос криминальным авторитетом — у некоторых талант лидера в крови с детства.

— Да, для меня это был единственный способ выпустить пар. И именно за эту злость дядя Фан меня и выбрал. Тогда все думали, что мне повезло — попал в богатую семью. Богатой-то она была, спору нет, только взяли меня туда не для того, чтобы любить как родного. Дядю Фана зовут Фан Боцюнь. Его жена умерла сразу после родов из-за врождённого порока сердца. Болезнь передалась их сыну, Фан Циню. Тот рос слабым, постоянно болел, в школе его шпыняли все кому не лень, а сам он был тихим и пугливым. Вот поэтому... в доме появился я.

— Ты? Что ты мог сделать в таком возрасте? — Фу Цзяньси выпалил это прежде, чем успел подумать, но тут же осёкся, укоряя себя за глупость.

Действительно, что ещё? Живой щит, личный телохранитель, ручной цепной пёс, который умеет драться и готов получать пинки вместо хозяйского сына. С его умом догадаться об этом труда не составило.

Фан Юй обернулся, молча улыбнулся, оставив вопрос без ответа.

— Но самое интересное началось потом... Мы с Фан Цинем прожили бок о бок двадцать один год. Были неразлейвода. И только когда он женился, а я съехал из особняка Фанов, до меня наконец дошло, кем я был все эти годы. — Фан Юй выжидающе посмотрел на собеседника. — Догадываешься? — Он горько и самокритично усмехнулся.

— Свет в окошке. Недостижимый идеал, — прямо озвучил свою мысль Фу Цзяньси.

— Мимо, — Фан Юй усмехнулся ещё шире. Фу Цзяньси, как он и думал, совершенно неверно истолковал его привязанность. — Дин Лэнин и Мэй Цзюнь в своё время из-за этого порывались мне ноги переломать. Ха... Но я тогда и сам толком не понимал, что у меня в башке творится, поэтому ничего им объяснять не стал.

Фу Цзяньси вдруг почувствовал, что больше не хочет этого слушать. Слишком много чужой запутавшейся жизни. Всего полчаса назад он с великим трудом, обходными путями отшил Фан Юя, и к чему теперь эти излияния? Лишняя головная боль, не иначе.

Однако отпускать его никто не собирался. Фан Юй продолжал пить и говорить без умолку.

— Тот первый вечер, когда я тебя увидел... А потом за неделю мы столкнулись аж пять раз... Знаешь... Больше всего на свете я должен... поблагодарить тебя. Спасибо тебе, Фу Цзяньси! — Фан Юй уже заметно хмелел, путаясь в словах. Он покачнулся, салютуя бокалом, и осушил его залпом.

Фу Цзяньси убрал руки с барной стойки, скрестил их на груди и устало потёр висок. Его

охватило глухое раздражение: какого чёрта он вообще торчит здесь и выслушивает пьяный бред?

Трудное детство, несчастная первая любовь, удары судьбы... И что с того? Всё это давно в прошлом.

У кого жизнь была идеальной? Все взрослеют как умеют. Этот тип, конечно, вырос со странностями, но за последнее время Фу Цзяньси убедился, что человек он в душе неплохой.

Но дальше-то что? Неужели придётся до утра слушать эти меланхоличные пьяные откровения?

— Дин Лэнин твердил, что это обычная психологическая зависимость, привычка выживать вдвоём. Поначалу я не верил. Но когда встретил тебя... только тогда понял, в чём разница. То, что я чувствовал к нему, и то, что чувствую к тебе — это небо и земля. Понимаешь? — Фан Юй посмотрел на него затуманенным, блуждающим взглядом. Его лицо потеплело, и он мягко и искренне улыбнулся.

— Напился — иди спать, хватит душу изливать, — резко оборвал его Фу Цзяньси, сдерживая досаду. Он вскинул подбородок и раздражённо провёл по нему большим пальцем. — Был бы ты трезвым, я бы ещё послушал. А сейчас, глядя на то, как ты еле лыко вяжешь, мне хочется просто врезать тебе, чтобы уложился спать до утра. Всё, свободен.

— Ха-ха... — Фан Юй тихо рассмеялся. — До чего же ты не выносишь... когда тебе открывают душу и пытаются сделать что-то хорошее. Да? Фу Цзяньси, я ведь забочусь о тебе... и мне ничего взамен не надо. Любовь вообще штука несправедливая, в ней нет баланса...

Не выносит признаний? Чушь. За год Фу Цзяньси выслушивал тонны признаний — в самых разных формах, позах и обстоятельствах.

Но почему этот человек решил делать ему добро? В этом мире никто не станет заботиться о тебе просто так, забывая о себе.

Фан Юй неверной рукой указал сначала на Фу Цзяньси, затем прикоснулся к собственной брови.

— Брови... Красивые же у тебя брови. Не хмурься так, — пробормотал он и опрокинул в себя очередные полбокала. — Дай договорить... Знаю, развонялся я тут, но... выслушай до конца. — Его взгляд внезапно потяжелел, стал глубоким и отчаянно сосредоточился на слегка расплывающемся силуэте Фу Цзяньси.

Фу Цзяньси шумно выдохнул скопившееся в груди раздражение:

— Ладно, валяй.

— Я люблю тебя. И именно поэтому теперь точно знаю, что мои чувства к Фан Циню не были любовью. Во всяком случае, не той, романтической... Понимаешь? Это родственные узы. Настоящую тоску по дому и родителям я навсегда оставил там, под обломками... В приюте жил уже не я, а пустая оболочка. Мне до сих пор часто снится, что я всё ещё сижу посреди тех руин... Но если так, то почему... почему я просыпался на приютской койке? — Фан Юй мучительно нахмурился и сощурился, словно безуспешно пытался разгадать неразрешимую загадку. Он выглядел совершенно растерянным.

У Фу Цзяньси в горле встал комок — ни вздохнуть, ни сглотнуть. Было невыносимо душно и тяжело.

Он даже не обратил внимания на слова о любви — в голове набатом стучали другие фразы, отдаваясь то ближе, то дальше:

"Настоящую тоску по дому я оставил там, под обломками..."

"Мне до сих пор кажется, что я всё ещё сижу посреди тех руин..."

"Почему я просыпался на приютской койке?"

В этот миг он с пугающей отчётливостью понял: в чём-то самом сокровенном они с Фан Юем поразительно похожи.

—... А потом появился Фан Цинь... Он относился ко мне со всей душой, правда! И на подсознательном уровне я... перенёс на него всю свою невысказанную нежность к родителям, всю жажду семейного тепла... Фан Боцунь вечно пропадал на работе, так что детство Фан Циня — вплоть до самой его свадьбы — прошло только со мной. Нас воспитывали шофёр да нянька... — Фан Юй мало-помалу расслабился, голос его зазвучал тише, ровнее, возвращаясь к воспоминаниям о годах их вынужденного одиночества на двоих.

Один — болезненный и слабый, остро нуждавшийся в опеке, чтобы хоть как-то компенсировать отсутствие матери и равнодушие вечно занятого отца.

Второй — израненный одиночеством сирота, которому жизненно необходимо было отдавать кому-то тепло, чтобы доказать самому себе право на существование.

Встреча этих двоих в детстве была слишком стремительной, а совместный путь — тернистым. То, что они вообще сумели вырасти нормальными людьми, граничило с чудом.

Фан Юю требовался якорь в этой жизни, а Фан Циню — ощущение собственной значимости.

Фан Юй был мертвецки пьян, но умолкнуть не мог. Разве что голос его стал тихим-тихим, а интонации лишились надрыва.

— Фан Цинь женился... Теперь моя очередь. Дядя Фан настаивает... Ты ведь видел мою невесту... Красавица, правда? Из вашей же Академии художеств, звезда курса... Хе-хе... Идеальная партия! — Он потянулся к почти опустевшей бутылке и встряхнул её.

Фу Цзяньси молча подошёл ближе, держа в руках поднос. Поставив его на барную стойку, он бесцеремонно собрал всё: ведёрко со льдом, блюдо из чёрной глазури, деревянную пиалу и бокал, который Фан Юй вяло сжимал в ладони. Затем развернулся и унёс всё к раковине.

— Эй... Я же ещё не закончил. Господин Фу, не боишься, что я на тебя жалобу накатаю? — Фан Юй прижал ладонь ко лбу и сквозь пальцы смотрел, как Фу Цзяньси возится у раковины. В полумраке его фигура казалась зыбкой, нереальной, словно сон. Проснёшься — и окажется, что никто ничего не говорил, и его здесь вообще не было.

— Давай, катись, — не оборачиваясь, буркнул Фу Цзяньси. — Если сумеешь выйти отсюда на своих двоих, разрешу звать меня папочкой.

— Ха-ха-ха... Обожаю, когда ты язвишь. Сразу как-то легче дышится... Эх, — Фан Юй шумно, тоскливо вздохнул.

Он и сам не понимал, зачем вывалил всё это на Фу Цзяньси и изменит ли это хоть что-то.

Сейчас его единственным желанием было доползти до какой-нибудь кровати и провалиться в глубокий, безмятежный сон. Если он продолжит говорить, то сболтнёт лишнего — хмель окончательно отключил контроль над языком.

Закончив уборку, Фу Цзяньси обернулся. Фан Юй сидел, уперевшись локтем в стойку и подперев голову ладонью. Кажется, отключился. Даже не заснул — просто ушёл в глухой пьяный аут.

Ну и ничтожество. Герой, твою мать. И что мне теперь с ним делать?

Ему признавались в любви сотни, если не тысячи раз. Но чтобы после пламенной исповеди приходилось тащить оратора на себе в постель — такое с ним случалось впервые.

Прислонившись к тумбе, Фу Цзяньси задумчиво разглядывал профиль Фан Юя. В отключке тот выглядел на удивление покладистым. Чётко очерченные скулы, прямой нос... А он ведь действительно хорош собой.

Ни дурацких ухмылок, ни бесконечного хвастовства и шуточек, ни этой затаённой боли, которая проступала, стоило ему заговорить о прошлом.

Впрочем, после такого детства неудивительно, что он вырос со сдвигом по фазе.

Постойте-ка. Он ведь только что сказал, что собирается жениться?

<http://bllate.org/book/18325/1768271>